

Отдельные руководители колхозов и совхозов, областных и республиканских организаций, не вдаваясь в существо дела, пытаются объяснить низкие урожаи кукурузы ссылками на погоду. На январском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев высмеял этих горе-руководителей, которые «опять на господа бога валят, потому что с него-то уж ничего не возьмешь».

— Не валите на бога!!!

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

К Р О К О Д И Л

№ 4 (1618)

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й

10 февраля 1961

Если вы еще не знаете, что «безбожник Вольтер жарится на сковородке в аду», откройте 8—9-ю страницы и побывайте вместе с нами на уроке во французской школе, а заодно и в других школах западного мира.

Что за штука «рефракция»? И почему, услышав это слово, директора целинных совхозов моментально бледнеют и начинают нервно стучать пальцами по столу? Ответ на эти вопросы см. на стр. 4.

Одно время на доске почета бывшего Перовского горисполкома красовалась фотография А. С. Шатохиной. За какие заслуги она попала туда, мы не знаем. Но при каких обстоятельствах была снята, — известно. См. фельетон «Восемнадцатая ваза Александры Сергеевны» на стр. 12.

Уголек-то недалек...

Ах, будь все это просто, как все было бы просто! Кажется, протяни только руку из котельной Назаровского консервного завода к соседнему угольному карьеру, и уже полны бункера дешевого топлива.

Ан нет, везут уголек за пятьсот километров, с Черногорского месторождения. Платят в пять раз дороже за каждую тонну да еще отваливают порядочные куши железной дороге.

Что же, руководители предприятия стараются поднять себестоимость продукции на космическую высоту? Нет, у них другая думка: как бы из недр Красноярского совнархоза поднять на-гора проект переделки котельной на местное топливо. Увы, нелегко добыть заветный проект из-под мощных бумажных пластов энергичной и длительной переписки.

В общем, деньги по-прежнему текут. Большие деньги...

Н. ЩЕРБАКОВ,
начальник инспекции
госдоходов райфинотдела

пос. Назарово,
Красноярского края.

ПОСТАВЩИКИ РАКУШЕК

Несколько супружеских пар — Дудумсы, Ликумсы, Путан и Геце — за несколько поездок доставили из Геническа в Ригу ни много, ни мало — четырнадцать вагонов морских ракушек. Они выполняли почетное задание животноводческого общества «Иманта».

Дело в том, что толченые ракушки — отличная подкормка для домашней птицы. С журиной помощью Путаны и их коллеги положили в карман 370 тысяч рублей (старыми деньгами).

Все было просто. За погрузку одной тонны ракушек «подрядчики» платили рабочим по 25—30 рублей. А животноводческому обществу «Иманта» всучивали фальшивые ведомости, где вместо рабочих фигурировали родственники и знакомые. Так стоимость погрузки достигла астрономической цифры — 550 рублей за тонну.

До аферы докопалось Министерство финансов Латвийской республики, и дело попало в суд. Но народный судья Церс оказался на редкость мягкосердечным: главарь жуликов Путан получил год исправительных работ с удержанием 15 процентов зарплаты. А его сподвижники вышли сухими из воды и вновь занялись любимым промыслом.

Министерство финансов запротестовало:

— Позвольте, это же все фикция! В ведомости значится, например, Я. Алленс. Как он мог грузить ракушку, если у него нет правой руки?

— Значит, левой управлялся, — находчиво отвечал следователь Смирнов.

— Но сам Алленс признается, что отродясь в Геническе не бывал и никакой ракушки не грузил.

— Расписка-то все-таки его? Его. Какая же это фикция?

Единственное, чего добилось Министерство финансов, — это ликвидации кормушки жуликов — пресловутой «Иманты».

— Ах, так? — обиделись ракушечники. — Это вам дорого обойдется!

И, сфабриковав еще кучу фальшивых ведомостей, сами заявили в суд. Судья Домбровский быстро «разобрался» в деле и вынес решение: уплатить «истцам» дополнительно 87 090 рублей.

И снова слышится: «Суд идет!» На сей раз судит Франкевич. Но результат все тот же: Министерству финансов в иске отказано, а аферистам присуждено все-таки 87 090 рублей.

Ободренные жулики готовятся к новому налету на государственную кассу.

И. АБРАМСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Рига.

ВОТ ЭТО ПРОПАЖА!

В одном итальянском фильме украли трамвай. Эка невидаль! Жителей Южного поселка города Кемерово этим не удивишь. У них трамвайный путь унесли. Целый километровый отрезок, с рельсами и шпалами. Начисто. Срежь бела дня.

Почти год строительные управления № 3 и № 4 (начальники тт. Зарюта и Лученок) вместе с базой механизации (начальник — тов. Лихачев) сваливали грунт на трамвайные пути.

Спохватились, когда над путями вырос целый могильный курган наподобие скифского:

— А ведь путь-то может понадобиться!

Лопатами откапывать дорого и несовременно. Решили пустить могучую технику — бульдозеры...

Бульдозеристы действовали лихо. Вскоре курган был срезан под корень, а вместе с ним и... трамвайный путь.

Сделав свое дело, бульдозеристы величественно удалились. Смекалистые строители приспособили отодранные рельсы для подкрановых путей. Что касается местных жителей, то они тоже решили не дать пропасть добру и растащили шпалы на дрова.

Кража трамвая в фильме, как помните, была мнимой и никакого вреда не причинила. А вот пропажа трамвайного пути в Южном поселке влетела в копейку.

В. ХОЛОДОК

г. Кемерово.

Пыль столбом...

Железнодорожники не учли, что вольский завод «Большевик» значительно увеличил выпуск цемента. И выделили ему ту норму порожняка, которой заводу и по прежним временам едва хватало. Летом еще ничего: цемент грузили не только в вагоны, но и в трюмы самоходных барж. Но вот кончилась навигация, и взоры цементников обратились к начальнику Саратовского отделения дороги тов. Сарыгину:

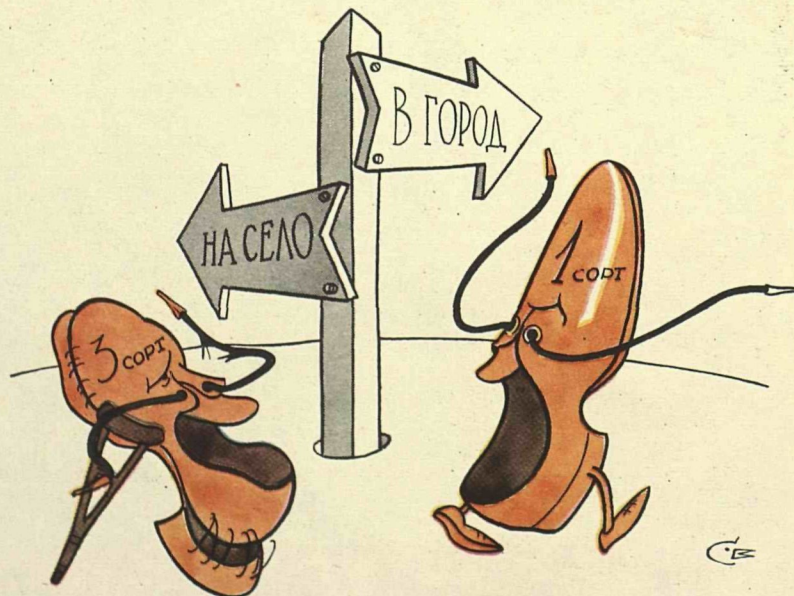
— Давайте порожняк!

— Все собрали, что смогли... — отвечает Сарыгин. — Конечно, — добавляет он, — из положения выйти можно, если дадите согласие на открытые вагоны...

— Грузите! — требуют тем временем грузополучатели из Мурманска, Горького и других

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

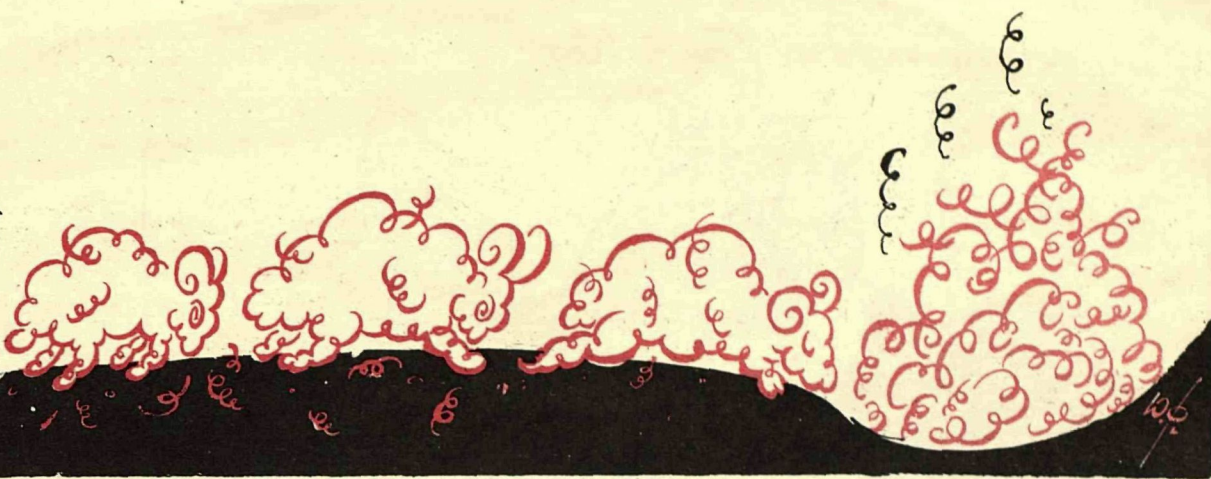
Порою торгующие организации стараются сбыть в сельскую местность товары низкого качества.

— Ну, прощай, мне — направо.
— А мне — налево...

На ряде заводов из-за технологических просчетов много металла уходит в стружку.

Золотое руно.

городов.—Согласны на частичную утрату груза в пути.

И завертели колеса полувагонов. Давненько жители Вольска не видывали такой пыли. А тем временем монтажники устанавливали в новых цехах сверхмощные пылеуловители, чтобы снизить потери выпускаемой продукции!

— Как же вы согласились грузить цемент в открытые вагоны? — интересуемся мы у заместителя директора вольского завода тов. Комарова.

— И не страшивайте! Сердце кровью обливается, а грузим. Иначе остановим производство.

Мы спускаемся на погрузочную площадку. Резкий ветер метет сиюю пыль, она заволокла все вокруг — и склады, и механизмы, и даже паровоз, отчего он напоминает медленно передвигающегося бронтозавра. Мы идем по междупутью, и наши ноги по щиколотку утопают в цементе...

А теперь несколько цифр. За 5 месяцев вольская группа заводов вынуждена была загрузить и отправить около полутора тысяч шестидесятитонных полувагонов. Как явствует из актов грузополучателей, потери и порча цемента в пути составляют от 7 до 10 процентов. Итого на «распыл» и на «корку» ушло ни много, ни мало — 6 800 тонн цемента.

Не слишком ли дорого обходятся государству эксперименты вольских рационализаторов?

Г. ЕЛИН,
В. РОДИОНОВ

г. Саратов.

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ

В историю науки, которая знает немало примеров самопожертвования во имя блага людей, вписана новая страница. Старший ветврач Тульского хладокомбината тов. Мирошниченко совершила своего рода научный подвиг.

Сделала она это исключительно из гуманных соображений. Уж очень ей хотелось облагодетельствовать своих земляков польской и семипалатинской колбасой. А колбасу эту, изготовлен-

ную на днепропетровском заводе, государственная торговая инспекция забраковала из-за плесени.

Вот здесь-то тов. Мирошниченко и усмотрела возможность свершения героического поступка.

Историю своего подвига она скромно изложила в дополнении к акту торговой инспекции: «...Считаю, что данную колбасу можно использовать в сеть общественного питания, никаких последствий не будет, проверено на себе в течение 10 дней».

Ученую степень бы вам, тов. Мирошниченко, за новый метод определения качества продукции!

Ю. М.

Картон и география

Что требуется для производства гофрированного картона? Даже любому некомпетентному человеку ясно: для изготовления гофрированного картона нужны обыкновенный картон, несложное оборудование и рабочая сила.

— Но при чем тут география? — спросит читатель.

Представьте себе, для производства гофрокартона надо еще иметь, как минимум, тройку по географии. Без этого гофрированный картон не получается. Судите сами.

Изготовленный на Сахалине простой картон везут за много тысяч километров в Новосибирск. Затем он же в гофрированном виде едет много тысяч километров обратно, на Дальний Восток.

Об этой хозяйственно-географической бессмыслице рассказал еще в 1959 году депутат В. Т. Забалуев на сессии Верховного Совета

СССР. Но — увы! — планирующие организации не пожелали, видимо, вспомнить курс географии. Наступил уже 1961 год, а ничто не меняется.

Так из-за пренебрежения к школьной науке картон получается не гофрированный, а золотой...

Я. АРКАДЬЕВ

Находчивый арбитр

Медногорский завод «Урал-электромотор» отказался от дефицитного медного провода и перешел на алюминиевый.

— Молодцы! — сказали в Оренбургском совнархозе. — За девять месяцев 120 тонн меди сэкономили!

— Молодцы? А это мы еще посмотрим, — возразили в Оренбургском отделении «Росглав-тормета». И пожаловались в госарбитраж, что вот, мол, этот хваленый завод, между прочим, не выполнил плана сдачи медных отходов.

— Ах, такие-сякие, немазаные! — возмутился арбитр Бабнищев. — План выполнять надо, для того он и даден. Вот я вас!

Тщетно работники завода убеждали, что от алюминиевого провода медных отходов отродясь не бывало. Это все равно, что требовать молока от пылесоса.

— Правильно. Мы понимаем. Невозможного не требуем. Не можете сдать медные отходы — не сдавайте. Но тогда платите штраф.

И уплатили. Причем солидную сумму.

Вот к чему привело коллектив завода легкомысленное желание экономить дефицитные материалы!

Л. АЛЕКСАНДРОВА

Дорогой визит

К дежурной медсестре Вешенского туберкулезного диспансера подошли два человека.

— Нам нужно пройти в рентгеновский кабинет.

— У вас направление врача? — спросила медсестра.

— У нас есть направление ремонтно-монтажной мастерской Ростовского облздравотдела, — строго ответили посетители. — Мы приехали осмотреть состояние рентгеновского аппарата.

— Но он у нас в полном порядке.

— Тем не менее раз уж мы приехали, то осмотрим...

— Ну, пожалуйста!

Представители ремонтно-монтажной мастерской посмотрели на аппарат, убедились, что он работает прекрасно, потратили несколько минут на составление акта осмотра и ушли.

Вскоре ничего не подозревавший главный врач Вешенского туберкулезного диспансера получает такой счет за ремонт рентгеновского аппарата:

Зарплата основная	191 руб. 79 коп.
Зарплата дополнительная	9 руб. 59 коп.
Начисление на зарплату	11 руб. 32 коп.
Цеховые начисления	166 руб. 85 коп.
Накопление	20 руб. 12 коп.
Командировочные расходы	78 руб. 75 коп.
Всего:	478 руб. 42 коп. (старыми деньгами).

Попытки главного врача отказаться от счета за несделанную работу были тщетны. Банк неумолимо эту сумму со счета диспансера снял и перечислил мастерской.

И теперь, стоит только в диспансере случайно зайти рабочему с гаечным ключом, как весь медицинский персонал бросает в дрожь: а вдруг опять придется платить зарплату основную и дополнительную да плюс еще цеховые начисления?!

А. ЧИКАРЬКОВ

ДАЙТЕ МИРОШНИЧЕНКО УЧЕНУЮ СТЕПЕНЬ! ♦ КАРТОН ПУТЕШЕСТВУЕТ ПО СТРАНЕ. ♦ «ВОЛЬНЫЕ МАСТЕРА» И ЦЕХОВЫЕ НАЧИСЛЕНИЯ.

Виды водоплавающих в одном колхозе.

Коварная рефакция

Осень... Звонок с элеватора: «Вынуждены применить рефакции»... Директор совхоза сердито бросает трубку.

— Не было печали... Верите, вот где сидят у нас эти рефакции! — И красноречивым жестом показывает на шею.

— Без ножа режут, анафемы! — вторит старичок главбух.

В стенной газете о рефакциях пишут:

Пали наши акции,
Съели их рефакции.

И рисунок: особа о пяти руках жадно пожирает целинный каравай.

Очевидно, рефакция — весьма зловредное и жадное существо. Посмотрим, как аттестует ее словарь русского языка. Скупое и скромно: «Скидка с цены или веса товара при сдаче его ниже условленного качества».

Странно! Как может какая-то несчастная скидка «без ножа резать» богатырский совхоз (земли — без меры, скота — без счета) и почему у оной скидки (если верить рисунку в стенной газете) пять загребущих рук?

Целинники на этот счет отвечают так:

— По руке на каждую скидку. Их, знаете, сколько?! Зерно натурой не вышло — скидка, повреждено или щуплое — вторая, имеет примесь других злаков — третья, засорено — четвертая, излишне влажно — пятая. Даже на польнный дух скидку делают. Но у нас польни мало. Потому шестую руку не изобразили. Больше всего «стригут» хозяйства за сор и воду. Так стригут, хоть караул кричи. Да вот, к примеру, случай...

Совхоз имени Буденного, Северо-Казахстанской области, отправил на хлебозаготовительный пункт большую партию зерна. Каждая машина с зерном взвешивалась. Так что вес

можно считать точным: 13 386 центнеров. Тютелька в тютельку.

А по документам хлебоприемного пункта принято от совхоза 11 639 центнеров. Тоже тютелька в тютельку.

Большая недостача! Куда же девался хлеб? Украли?

Ни-ни! Зерно оказалось очень засоренным и влажным. Поэтому заготовители сделали скидку с веса (натуральная рефакция). Скинули ни много, ни мало 1 747 центнеров.

Вы думаете, на этом и кончилось дело? Нет. После натуральной рефакции последовала денежная — за каждый процент сорной примеси и за каждый процент влажности. А так как сорность и влажность хлеба были чрезмерные, то скидка получилась немалая.

...Рассчитывал главбух, что совхоз выручит за сданную партию хлеба 633 800 рублей. Выручили 387 400. Рефакции!

Они подкузьмили многие совхозы и колхозы республики.

— И даже подкузьмили! — констатирует главный бухгалтер Министерства хлебопродуктов Казахстана Василий Михайлович Дериземля (ему и карты в руки!). — Вот, пожалуйста... В 1959 году рефакционные удержания с колхозов и совхозов республики составили многие миллионы рублей. И за прошлый год не меньше, если не больше, набегит... За сушку и очистку зерна совхозы одной только Кустанайской области выплатили заготовительным пунктам миллионы рублей! Какое расточительство, а?..

За десятки и сотни километров возят совхозы и колхозы... сор и воду. Десятками тонн! Сотнями!

Читатель, очевидно, уже сделал вывод: хозяйства должны решительно повысить качество очистки и сушки зерна.

А что скажут хлеборобы? Они скажут примерно так:

— Рады бы в рай, да грехи не пускают. Посмотрите на вооружение наших токов. Производительность их низкая. Как ни пыжимся, а хорошо обработать хлеб не можем. В народе говорят: по корыту и бадья. У нас корыто большое, а бадья совсем махонькая.

Значит, совхозам (и даже крупным зерновым совхозам) надо иметь большие «бадья» — механизированные зерноочистительно-сушильные пункты. Проект такого пункта разработали сотрудники Казахского института механизации и электрификации сельского хозяйства и «Казгипросовхозостроя». За час пункт очищает 26 тонн зерна и сушит 16 тонн. На постройку его потребуется затратить не более 400 тысяч рублей (окупится за один год).

Министерство хлебопродуктов республики ухватило за проект и быстро возвело в Северном Казахстане шесть механизированных зерноочистительно-сушильных пунктов. Заинтересовалось установкой и Министерство хлебопродуктов РСФСР. В стороне остались лишь Министерство совхозов Казахстана да подведомственные ему хозяйства. Впрочем, в одном совхозе «Кировском» Кокчетавской области построили подобный пункт, а в других все еще ждут команды свыше. Но будет ли она и когда?

Если министерство не расшевелится в ближайшее время, то, несомненно, осенью мы услышим глас вопиющего у ворот хлебоприемного пункта:

— Караул! Рефакции!

А главбух Министерства хлебопродуктов запишет в приход новые миллионы...

А. ОМЕЛИН

г. Алма-Ата.

ДЛЯ «СВОЕГО» СОВНАРХОЗА...

И ДЛЯ «ЧУЖОГО»

На птичьем дворе Средне-Бельского совхоза стоял переполох. Оглушительно хлопая крыльями и выкидывая голенастые ноги, по двору в панике носились молодые петухи. Их ловили и грузили в автомашины.

— Куд-куда? Куда? Куда? — кричали куры, тревожно вытягивая шеи, хотя и без того было ясно, куда лежала путь-дорога пленников: на мясокомбинат.

Появление автомашин с птицей вызвало на Белогорском мясокомбинате такой же переполох, как на птичьем дворе.

— Не приму! — кричал директор комбината тов. Синицын. — Не упрасивайте и не уговаривайте! Не приму!

— Позвольте, почему?

— Потому что сегодня уже принял из вашего совхоза пятьсот голов. Хватит! Вези на Благовещенский мясокомбинат!

Машины снова на трассе. Они несутся за сто километров в областной центр. А навстречу летят машины с птицей из Благовещенска в Белогорск. Развеваются по ветру петушиные хвосты.

Директор Благовещенского мясокомбината тов. Петров, завидев представителя совхоза, в отчаянии схватился за голову.

— Опять птица! Не успеешь от одной партии избавиться, как тебе везут другую! Не приму! Вези в Белогорск!

— Я только что оттуда.

— Тогда вези еще куда-нибудь...

Над петухами нависла угроза околеть в пути. Экспедитор побежал жаловаться. Директор тоже ухватился за телефон. Хозяин петухов утрясал вопрос с облсельхозуправлением, директор комбината — с начальником управления пищевой промышленности совнархоза Д. И. Королевым.

Схватка противников закончилась тем, что в облисполком вызвали торговых работников и приказали им продавать птицу в живом виде. Петушиное пение перекинулось на городской базар.

Но одно дело — петух, оципаный, выпотроженный, завернутый в пергаментную бумагу, а другое дело — поющий. Охотников до такого петуха мало.

Через три дня стало ясно, что загончик, выделенный в дальнем уголке базарной площади, грозит превратиться в петушиную могилу. Поэтому птицу вернули хозяевам, и те повезли ее домой...

И вот тут-то выяснилось, что вырастить птицу — это пустяки, куда сложнее сбить ее с рук.

Со скрипом работает полуавтоматическая линия для разделки птицы на Благовещенском мясокомбинате. А что касается Свободненского и Райчихинского комбинатов, то там поточных линий вообще нет. И кур разделывают вручную. Причем кур и уток не оципывают, как принято испокон веков, а обдирают. Такую продукцию потребитель даже в руки взять страшится.

В селах области по местной радиотрансляции все чаще звучат отчаянные призывы руководителей хозяйств. Они слезно уговаривают односельчан покупать птицу по дешевке. А зачем местным жителям покупать птицу, когда у них есть своя?

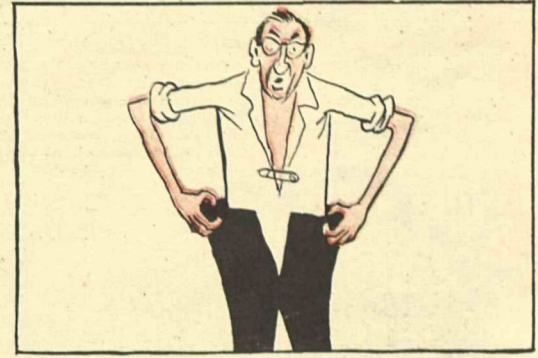
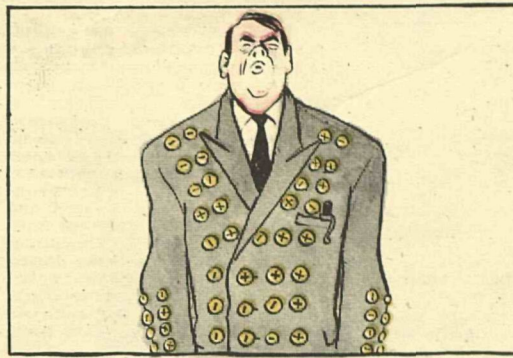
Конечно, птицу нужно предлагать жителям Благовещенска. Прилавки здешних магазинов отнюдь не трещат под тяжестью мясных туш. Прилавки пустуют. А между тем совсем недавно инспекция забраковала на Белогорском комбинате 40 тысяч забитых кур.

Руководители хозяйств стали в тупик. Они опустили руки, хотя бои впереди предстоят великие. 240 тысячам кур и уток надо еще пробить дорогу к прилавкам магазинов.

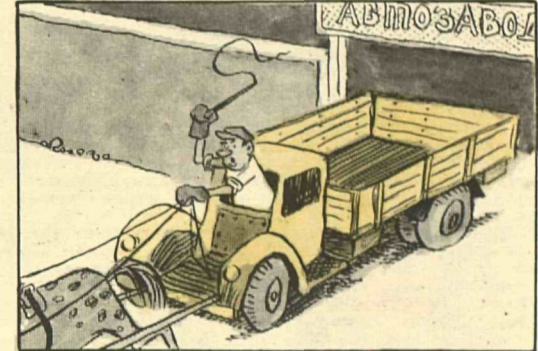
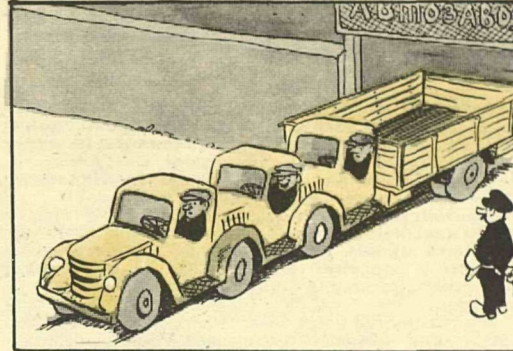
Теперь, когда устраиваются массовые облавы на петухов, куры сохраняют невозмутимое спокойствие. Они знают, что рано или поздно петухи все равно вернуться к своим наместам. Пусть без хвостов, пусть помятые и голодные, но вернуться.

Д. ЕПИФАНОВ

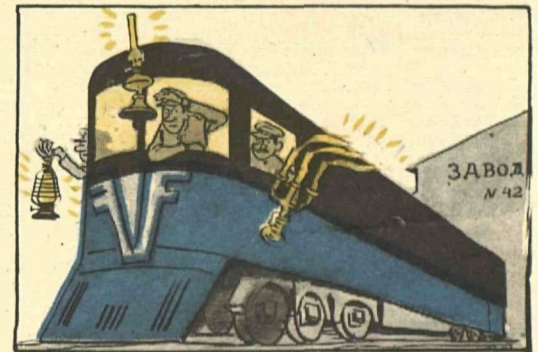
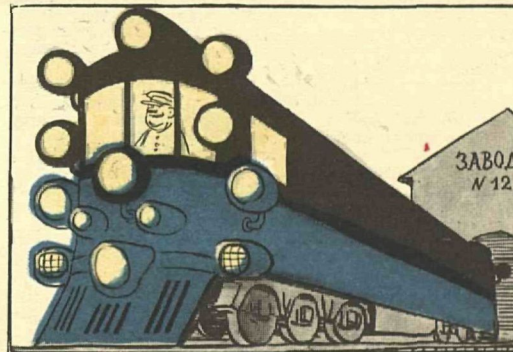
Амурская область.

пуговицы

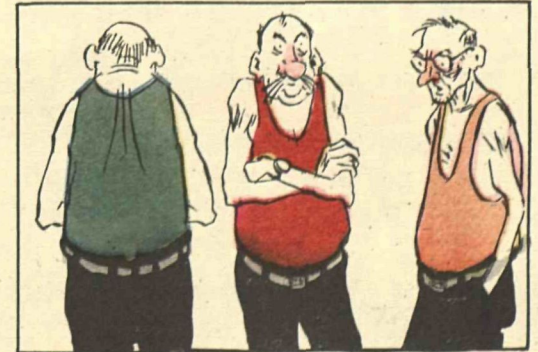
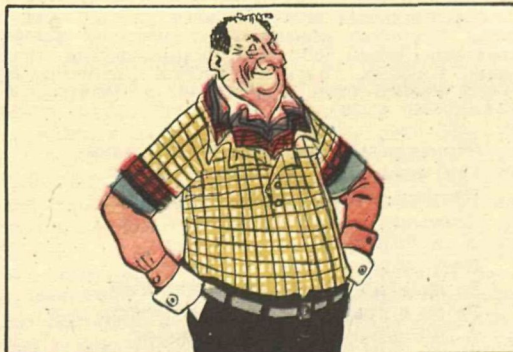
автомобильные моторы

осветительное оборудование

меховые изделия

рубашки.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Крокодил на ПОДШЕФНОЙ СТРОЙКЕ

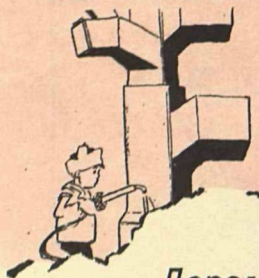
№ 4 (21) 23 декабря 1960 г.

Выходная редакция журнала «Крокодил»

Бесплатно.

БРИГАДА ВИНИПЛАСТИКОВ НА ИЗГОТОВЛЕНИИ КОРОБОВ ВЫЯЖНОЙ ВЕНТИЛЯЦИИ 21 ДЕКАБРЯ ВЫПОЛНИЛА ДНЕВНУЮ НОРМУ НА 250%.

**За сдачу в срок идет борьба.
Упорно трудится бригада.
Растут, как в сказке, коробки.
Нам всем по ней развешаться!**

Дорогой читатель!

У меня сегодня хорошее настроение. Такое же хорошее, как и полгода назад, когда на стройке Барнаульского завода искусственного и синтетического волокна была получена первая напроновая ниточка.

Конечно, я, как и ты, радуюсь любому новому виду продукции, рожденному нашей индустрией. И все же, честно говоря, та ниточка дорога мне по-особенному и близка по-родственному.

Эти чувства, как я подозреваю, объясняются тем, что я вот уже два года шефствую над стройкой Барнаульского завода. А стройка эта знаменитая. Всесоюзная. Ударная. Комсомольская. Одна из особо важных строек семилетки.

Если читатель припоминает, рождению напроновой нити я помогал не только словом, но и делом. Точнее говоря, слово и было моим делом. А еще точнее, выпускал я на стройке Большого напрона сатирическую многотиражную газету, которая так и называлась: «Крокодил на подшефной стройке».

И вот я снова вернулся из Барнаула. Опять выпускал там свою газету. Потому что, несмотря на суровые алтайские морозы, для строителей, монтажников и эксплуатационников там были очень жаркие дни. Барнаульцы готовили подарок к январскому пленуму Центрального Комитета партии. Вместе со мной газету выпускали: редактор А. Вихрев, фельетонист Ю. Алексеев, художник Г. Андрианов, поэты Н. Князев и Э. Левин.

А подарок пленуму барнаульцы приготовили очень любопытный. Прозрачный. Почти невесомый. Блестящий. Гладкий. Не догадываетесь? Целлофан! В него обертывают конфе-

ты и рыбное филе, кукурузные початки и любительские колбасы, чулки и сигареты...

Для того, чтобы получить тонкосенную целлофановую пленку, каменщики выкладывали стены, монтажники тянули трубы, электрики устанавливали моторы.

Конечно, как и на всякой большой стройке, случались на Целлофане конфликты и неполадки, ошибки и просчеты.

Случалось, что прижимистые снабженцы не очень-то щедро одаряли строителей оборудованием и материалами. Как-то раз на заводском складе случайно было обнаружено три тысячи лампочек, покрытых благородной пылью. А в это же самое

время электрики, высунув языки, бежали по всему городу в поисках каких-то несчастных пятидесяти штук... Такие эпизоды я старался не обходить вниманием. Бестолковщина — это ведь как-никак родимое пятно.

Немало пришлось строителям и монтажникам попотеть над «обрубанием хвостов». То есть над устранением недоделок. Тут для меня тоже нашлось немало мишеней. Пробил, скажем, кто-то дыру в стене, чтобы трубу проложить, и исчез: пусть, мол, дело до конца кто-нибудь другой доводит.

Встречал я на стройке и равнодушных хозяйственников, и унылых лоботрясов, и лунных очковтирателей. Правда, это были единицы. Тем не менее им представлялись на страницах газеты самые «почетные» места.

И уж, конечно, вовсе не им принадлежит честь сотворения невидимки-целлофана.

Настоящее почетное место в моей газете (без кавычек!) было предоставлено именно тем, кто своим прекрасным и мужественным трудом в короткий срок создал на пустынной окраине Барнаула гигант Большой химии Алтай.

В трескучие морозы, на пронизывающем ветру вела кладку галереи для вискозопровода бригада коммунистического труда каменщиков Михаила Беляева. С поистине волшебной быстротой везала метлахские кружева полов славная бригада плиточников Саши Бусовой. Отличились и монтажники бригады Бориса Чалдаева, и штукатуры бригады Раи Балюк, и... Впрочем, все равно всех не перечислишь!

...И вот настал день, когда с валов целлофановой машины сошли первые метры пленки. Первой на Алтае. Первой во всей Сибири. С ними я и вернулся в Москву.

Теперь на моем рабочем столе рядом с чугуном первой плавки Магнитогорского металлургического комбината и катушкой первой напроновой ниточки висит хрустящая горна первого алтайского целлофана.

Согласись же, дорогой читатель, что мне приятно смотреть на эти реликвии. И не столько потому, что в предметах этих есть наикратчайшие молекулы моего участия, сколько потому, что в них богатырская поступь нашей индустрии.

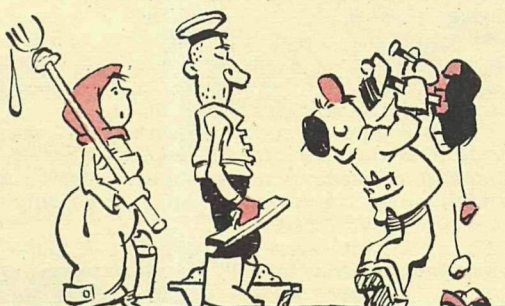
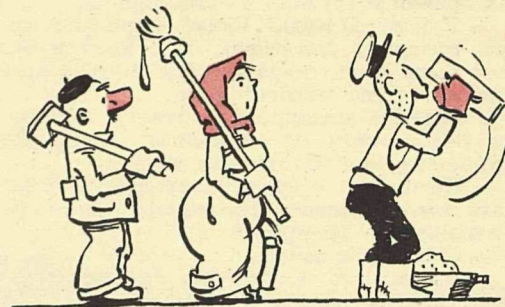
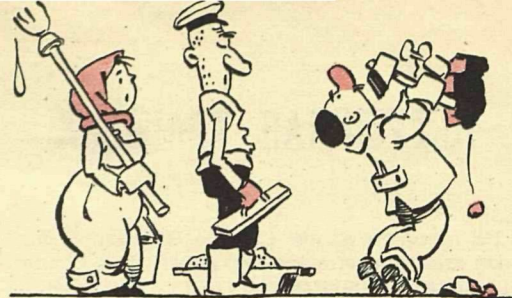
Всех строителей —
Рабочих,
Инженеров,
Мастеров,
Субподрядчиков, —
Короче,
Всех поздравить я готов,
Кто в дерзание неустанным
Целлофану путь открыл.
Поздравляю с целлофаном!
С первой пленкой!

КРОКОДИЛ

Камень преткновеня

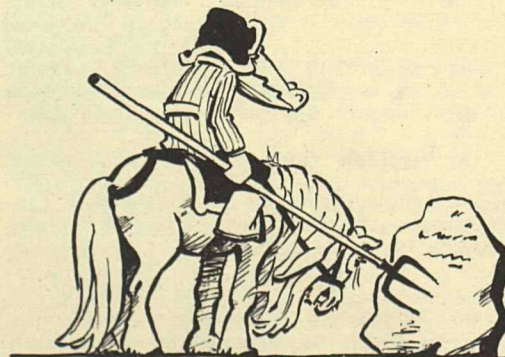
Строительный мусор бывает разный. Однажды Крокодил обнаружил громадный валун, невесомый, смонтированный механизмом. Сему камню была посвящена в газете былина:

Что за шум в цеху в дни морозные,
Где чаны стоят да вязкие!
Посреди лежит чудо-камень сер,
Спотыкаются об тот камень все.
А на глыбушке, ой ты гой еси,
Нету надписи, нету подписи.
То ль с Алтайских гор закатилася,
То ли с крыши в цех провалилася.
А от глыбушки нет путей-дорог
Ни на запад-юг, ни на юг-восток.
Вправо двинешься — дело точное:
Засосет тебя яма сточная.
Влево двинешься вдоль по досточке —
Не собрать тебе белы косточки...

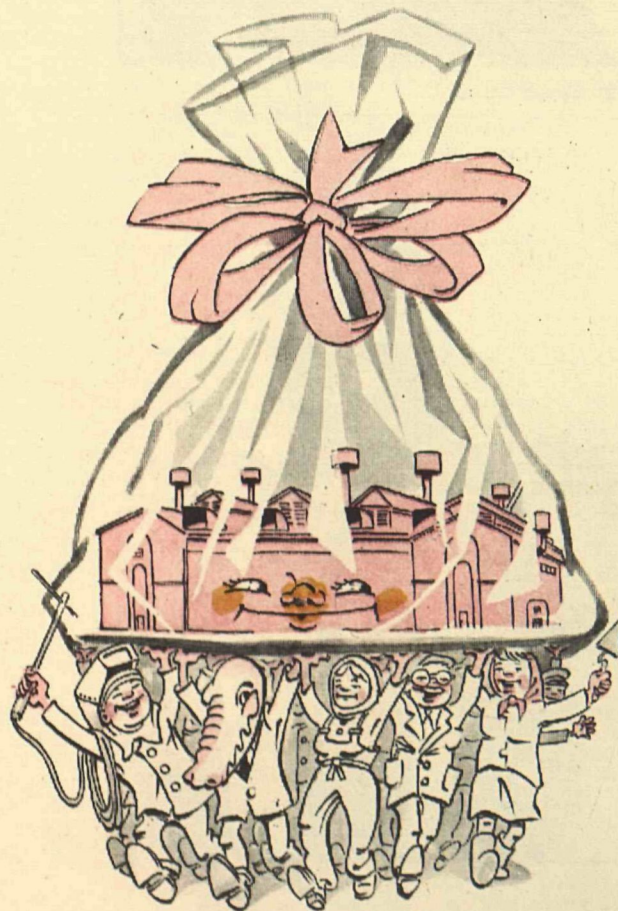

ГДЕ ДО КОНЦА НЕ ДОВОДЯТ РАБОТ, ТАМ БЕЗ КОНЦА ДОРАБОТКА ИДЕТ

В панели монтажник проделал дыру,
Трубу проложил — и готово.
Панель затирал штукатур поутру,
Работал весьма образцово.
Умело работала кисть маляра —
К обеду пятно забелила.
Но снова монтажник пришел, как вчера,
Принес молоток и зубила.
Он снова в том месте проделал дыру,
Трубу проложил — и готово.
И снова потел штукатур поутру,
Работал весьма образцово.
И снова работала кисть маляра,
К обеду пятно забелила.
Но снова монтажник пришел, как вчера,
Принес молоток и зубила.
Он снова в том месте проделал дыру.
Трубу проложил — и готово.
И снова потел штукатур поутру...
И снова... и снова... И снова!..

После обнаружения былины величественный камень быстро и незаметно исчез.

ПЛЮШКИН: Прошу учесть... Большой специалист по сверхнормативным остаткам...

МОНОЛОГ НА ПОЖАРИЩЕ

У бригадира свинофермы из деревни Погорелово тов. Назарова проснулось в душе послепраздничное жжение. Дабы загасить оное пенистой, как струя огнетушителя, брагой, он оставил трудовую вахту и со всех ног бросился к родне в Нижнюю Туру.

Свинарки Третьякова и Шангина перемигнулись и тотчас устремились по домам. Истопник Гребнев посмотрел на спины удалявшихся восвояси свинок, а потом в зеркальце. Убедившись, что он не рыжий, Гребнев также покинул свой огневой пост.

А через час по деревне поплыл щекоцущий запах подгоревшего эскалопа и раздался такой визг, словно у свинарника притормозил самосвал, груженный жестью.

Свинарник полыхал по всем правилам. Погореловцы попытались загасить пламя и выпустить поросят на волю. Но не тут-то было. Единственным противопожарным средством под рукой оказался ящик с песком, предназначенный для кошки истопника, а запасные выходы были намертво заколочены чьей-то заботливой рукой. Словом, поросята выскакивали в таком виде, что их следовало немедленно подавать к столу.

Когда на пожарище прибыл заместитель директора Криулинского совхоза Зинченко, ему ничего не оставалось, как посыпать голову холодным пеплом.

«Что же это такое? — зашептал он, выворачивая шапку наизнанку. — Ведь останься на ферме хоть

один человек, огонь поначалу можно было и кружкой воды затушить. Но кто знал наперед, что пожар будет?»

Да, неважнецко у нас обстоят дела по линии предвидения. Засилосовали прошлый год корма на берегу реки Уфы. Вроде все нормально. А что получилось? Затопило весной все 180 центнеров силоса. Но кто же знал наперед, что река по весне выходит из берегов?

Или взять, к примеру, случай, когда перешли мы на искусственное осеменение коров. Укокошили, значит, на радостях всех быков до единого. А искусственное осеменение освоить не смогли. Коровы хоть и мычали, да не телились. Ну, и ясное дело, корм жевали, а молока не давали.

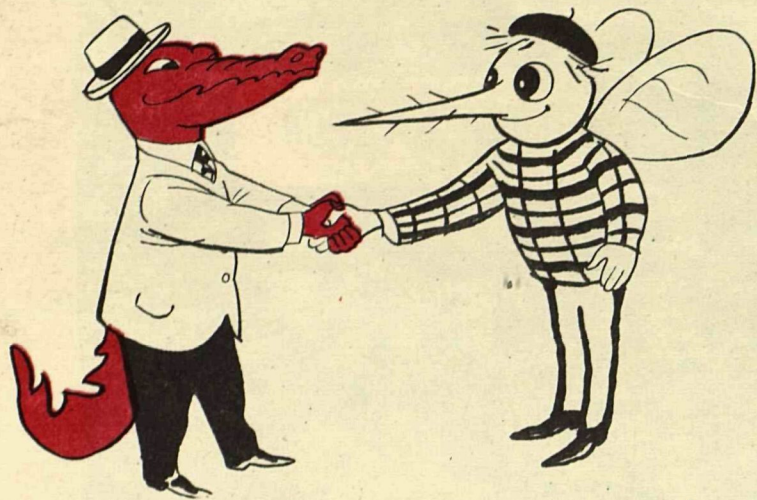
А с картошкой вообще получилось на грани недоумения. Сбросили наши умельцы из Марийских ключиков в реку десять тонн картошки. И не из озорства, а на предмет промывки. Вроде бы все правильно. Так нет, не учли, что зимой река замерзает. Ну, и достать теперь картошку из-под льда можно, разве что наладив подледный лов. Но где долбить лунки? Ведь клубни разбросило по всему течению.

В общем, неясно, почему у нас происходит напасть за напастью и стихийные бедствия. Не жизнь, а одни неприятности...»

Монолог записал А. ЮРОВ.

Совхоз «Криулинское», Свердловской области.

16 февраля исполняется 15 лет со дня выхода первого номера болгарского сатирического еженедельника «Стыршел» («Шершень»).

Крокодилскому брату,
Другу «Стыршелу» привет
С пожеланием крылатых
И кусачих долгих лет!

Атанас ЦЕНЕВ

НЕВЕРОЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

В кабинет Дончо Дончева, руководителя одного из крупнейших институтов, неуклюже ввалился улыбающийся здоровяк средних лет. Вошедший поставил у дверей крестьянскую оплетенную бутылку и пеструю сумку и крикнул:

— Дай-ка, Дончо, я пожму твою руководящую руку!

Директор, с трудом вынырнув из кучи бумажек, сначала посмотрел на гостя с изумлением, но в следующее мгновение весь расплылся в совершенно ненастоящей улыбке.

— Дядя Васил, ты ли это?

— Я,— ответил гость и так сжал директора в объятиях, что у того появилось ощущение, будто костюм сразу стал ему на пару номеров теснее.

— Понимаешь, Дончо,— сказал Васил,— я еще, когда собирался в город, решил, что обязательно повидать тебя. Ты-то, видно, не выберешься на родину.

— Ладно, не ворчи,— ответил директор,— сам знаешь — заседания, совещания...

Директор открыл по очереди все ящики своего стола и беспомощно развел руками:

— Прости, Васил, мне даже и угостить тебя нечем...

— Господи! — вскричал Васил.— Я хоть и гость, но не с пустыми руками.— С этими словами он поставил на стол оплетенную бутылку и вытащил из сумки жареного цыпленка.

Когда цыпленок и содержимое бутылки уменьшились ровно наполовину, Васил не без гордости сказал:

— Новый дом себе строю, Дончо. Двухэтажный. Но, знаешь, дорогой, никак не достану некоторых материалов. Дай, думаю, съезжу в большой город. Куда там! Целый день бегаю по магазинам, аж вспотел. Ну, раз все равно не достал того, что нужно, дай, думаю, зайду к Дончо, навещу родственника.

Директор вздрогнул от недоброго предчувствия и поспешил переменить тему разговора:

— Ну, а дочка твоя как поживает?

— Тотка? Вытянулась, словно тополь. Скажу тебе откровенно, я больше из-за нее приехал. Решила она в университет поступать. И, знаешь, так боюсь, что не пройдет она по конкурсу... Вот я и подумал...

Директор болезненно сморщился. Васил участливо нагнулся над ним и спросил:

— Ты что, заболел? Нет? Ну, слава богу, а то я прямо-таки перепугался. Прости, но мне нужно бежать. В шесть должен встретиться с дочкой.

Оставшись один, директор недоуменно пожал плечами. Собственно говоря, он должен был радоваться, что ему не пришлось доставать стройматериалы и устраивать девушку в университет. Но почему-то он был больше удивлен, чем обрадован.

Невероятный случай!

Перевел с болгарского Е. ТУГАНОВ.

Ученые

В Продолговатом зале нашей редакции шло заседание. Крокодил держал речь перед штатными и внештатными фельетонистами.

— Знаете ли вы, что меня интересует в данный момент? Нет, вы не знаете, что меня интересует. Проблема школы в капиталистическом мире! А потому предлагаю совершить рейд по школам этого мира.

Предложение было принято с энтузиазмом. Рейд состоялся. Итоги его можно вкратце выразить известной формулой: «Учат понемногу, чему-нибудь и как-нибудь».

Естественно, у читателя возникнут вопросы: «Почему только понемногу, а не глубоко? И чему именно все-таки учат?» и т. п. и т. д.

Ответы на эти волнующие вопросы читатель, возможно, найдет в нижеследующих заметках.

Премьер-питекантроп

Еще в начале XVIII века губернатор одной из французских колоний в Африке Фенелон говорил, что просвещение может лишь «испортить нрав туземцев» и породить среди них «свободомыслие». Этот любимый тезис колонизаторов дождался в XX веке научной разработки со стороны «доктора» Фервурда, премьер-министра Южно-Африканского Союза, и был поднят, или, скорее, опущен, на уровень государственной политики его правительства. Сей дипломированный питекантроп объявил, что обычное школьное образование не подходит африканцу. Оно, видите ли, порождает у последнего чувство, «будто он уже представитель не народности банту, а более широкого сообщества людей!»

Мистер Фервурд, а ведь вас зря учили! Образование породило у вас иллюзию, будто вы представляете цивилизованное человечество, в то время как вы просто-напросто выходец из каменного века. «Какая польза,— заявляете вы,— учить ребенка банту математике?» Видно, в вашем

представлении математика — это наука, нужная только белым расистам, которые уже много лет хозяйничают на землях африканского населения и привыкли только «отнимать и делить» (между собой).

Почему же, однако, фюрер ЮАС так боится умножения духовных сил африканцев? Может быть, потому, что, как говорит африканская поговорка, капля дождя может быть началом наводнения?

Один из единомышленников Фервурда недавно обмолвился: «Неграмотность африканцев — залог увековечения власти белых».

Расисты-математики очень хотели бы возвести эту неграмотность в самую высокую степень, с тем чтобы их владычество ухodziло, так сказать, в бесконечность. Но ход событий в Африке показывает, что эти мечты весьма иллюзорны. Давно бы надо понять колонизаторам, что часы истории не остановишь. А они этого понять никак не могут. Да, зря их учили в школе.

Необычная пропорция

Вспомним золотое детство. Уроки математики. Милые сердцу пропорции. Например: игрек относится к иксу, как 3 к 1. Теперь заменим сухие, отвлеченные буквенные обозначения чем-нибудь более конкретным

Что бы такое нам поставить на место игрека? Ну, хотя бы бутылки с виски и пачки сигарет «Кэмел». Чему же в таком случае равен икс? Эту, казалось бы, неразрешимую задачу блестяще решил американский сенатор Хэмфри. На место икса, сиречь знаменателя, он поместил те доллары и центы, которые правительство

Айка с христианской щедростью отпускало на образование.

Пропорция получилась весьма неутешительная.

— Национальным скандалом является тот факт,— заявил Хэмфри,— что мы расходует на рекламу в три раза больше, чем на образование.

Умница, Хэмфри! Дайте дневник — мы поставим вам «пятерку». Впрочем, минуточку. Еще один дополнительный вопросик: а как составить обратную пропорцию? Вернее, как сделать, чтобы на образование в вашей стране тратилось в три раза больше, чем на рекламу выпивки и табака?

На этот вопрос сенатор Хэмфри ответа не дает. Молчит. Они этого не проходили...

ТЬМА

Святое чистописание

— Что такое филоксера, Пьер?
— Это болезнь виноградных лоз, господин учитель.
— А что ее вызывает?
— Гнев божий.
— Верно. Теперь скажи, кто такой Виктор Гюго?
— Дьявольский антиклерикал, господин учитель.
— Правильно. А не помнишь ли ты, где сейчас безбожник Вольтер?
— Сидит на сковородке, господин учитель, масло так и брызжет, он корчится, кричит...
— Ну-ну, не увлекайся. Говори только то, что есть в учебнике.
— Хорошо, господин учитель. Безбожник Вольтер жарится на сковородке в аду.
— Садись, Пьер, хорошо.
После урока господин учитель, он же местный кидре, охотно ответил на ряд вопросов корреспондента Крокодила.
— Школа? Да, здесь у нас не государственная школа, а частная. Да-да, свободная! Есть, конечно, во Франции и светские школы, не подчиненные церкви. Их, к сожалению, еще довольно много. Но правительство, да хранит его господь, помогает больше нам, а не своим безбожным учителям. Как

вы думаете, кому оно больше платит: учителю государственной школы или обыкновенному жандарму? В том-то и дело, что жандарму! Ха-ха! Прямо курам на смех. Знаете, сколько у них не хватает преподавателей? Пятнадцать тысяч! А классов? Двадцать пять тысяч! А оборудование их школ?! Слезы!.. В общем, слава богу и властям: безбожные школы уже дышат на ладан. Сколько лет у нас пыжились, кричали: «Народная школа — гордость Франции!» А мы ее потихоньку прибираем к рукам. Нечего разводить крамолу, всякую там теорию эволюции! Еще до классовой борьбы додумаются. Нет, в двадцатом веке мы этого не допустим!

— Не горячитесь, не нервничайте, господин кюре.

— Ну, для этого тоже есть причины. Если бы все думали, как нам надо... А то ведь безбожники воду мутят, коммунисты, социалисты, радикалы, разные там профсоюзы. Создают комитеты «в защиту школы», подписи под петицией собирают! За три месяца почти 11 миллионов подписей! Ведь это ужас! Вся наша работа может пойти ангелу под хвост!

Счастливый билет

— Муттер! Муттер! — всхлипывал Ганс, теребя за юбку фрау Мюллер, супругу директора западногерманской акционерной компании «Мюллер, сыновья и К°».
— Что случилось?
— Противный Фердинанд выдрал целый кусок германской истории-и-и, — ныл директорский сынок, не выпуская из рук пухлый учебник. — А у меня завтра экзамен...
— Покажи. И утри слезы, — сказала фрау Мюллер и раскрыла учебник. — Хм, в самом деле, вырвана целая глава, хотя и тонюсенькая — всего какие-то три странички! А что там было, мальчик?
— История Германии с 1933 по 1945 годы-ы-ы... — снова захныкал Ганс. — На уроках наш историк об этом ничего не рассказывал. Приказал выучить по учебнику, а я не успел, — всхлипнул Ганс и с надеждой посмотрел на муттер.
— Фу ты! Как ты меня напугал! — с облегчением вздохнула директорша и погладила Ганса по прилизанному пробору. — Не волнуйся. Все будет хорошо!
— А если меня спросят, кто такой Гитлер?
— Скажи, что он был таким же порядочным немцем, как и твой отец...
— А правда, что эсэсовцы сожгли в газовых камерах пять миллионов евреев?
— Не говори глупостей, а то на-

верняка получишь «кол!» — замалахала руками фрау директорша. — Скажи, что это большевистская пропаганда.

— Муттер, а если меня спросят о концентрационных лагерях?

— Во-первых, тебя об этом не спросят. Ну, а если ваш историк — болван и задаст такой глупый вопрос, то ответь, что в лагерях отдыхали, а чтобы не разжиреть и сохранить хорошую фигуру, строили удобные автострады, разбивали цветочные клумбы и выращивали вкусную капусту.

— Ой, муттер, правда?

— Разумеется. Твой дядя был комендантом такого санатория, в котором отдыхали не то поляки, не то французы, не то русские. И он часто присылал твоей маме лагерные розы.

Ганс ухмыльнулся и побежал дочитывать послевоенный период новейшей истории Германии.

— Я вытащил счастливый билет, счастливый билет! — закричал ликующий Ганс, возвратившись с экзамена.

— Какой же?
— История Германии с 1933 по 1945 год!

— Ну и как? — хором спросили родители.

— Отлично. Учитель сказал, что я очень внимательно прочитал учебник.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Ассоциация западногерманских полицейских передала «в знак солидарности» из своих фондов 10 тысяч марок бельгийским полицейским, раненным при подавлении забастовочного движения рабочих Бельгии.

(Из газет.)

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ.

ПОПРАННАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Недавно нас глубоко возмутила несправедливость, допущенная в Соединенных Штатах Америки. Это была не только несправедливость, но и явное неблагородство. Что же это такое, в самом деле: если человек уходит из флигеля при Белом доме, так уж каждый может лягнуть его в спину, игнорируя его явные заслуги в определенной, вверенной ему области?

Мы подымаем свой голос в защиту Джеймса Хэггерти — секретаря бывшего президента Эйзенхауэра по вопросам печати.

Дело обстоит так. В городе Берлингтоне (США) существует «Клуб лжецов». Ежегодно члены этого клуба присуждают премии за наиболее вдохновенную и лаконичную ложь. Подведя итоги 1960 года, они присудили первую премию... Вы думаете, мистеру Хэггерти, который столько лет подряд вдохновенно наводил тень на ясный день? В том-то и дело, что первую премию присудили некоему безвестному лунишке Джо Сейгу за такое вот дилетантское произведение в области художественной брехни: «На острове Окинава существует вид жаворонков, которые так сладко поют, что тамошние больные сахарным диабетом вынуждены затыкать уши».

А между тем я уверен, что на эту же тему Хэггерти смог бы изготовить куда более солидную ложь. Например: «На острове Окинава его американских защитников так любят и ценят, что даже жаворонки по утрам приветствуют их сладкой песней».

И как обидно, что мистеру Хэггерти, вполне заслужившему звание почетного члена «Клуба лжецов», не присудили не только первой, но даже и второй премии! Вторую, кстати сказать, дали некоей мисс Мур за такую примитивную байку: «Художница так реалистично нарисовала пейзаж с речкой, что, поскользнувшись, она едва не утонула в собственной картине».

И за это премируют! А сколько раз Хэггерти рисовал картины горькой судьбы «порабощенных народов за железным занавесом»! Сколько слез вместе со своими шефами пролил он по этому поводу, сколько раз тонул и пускал пузыри в этом мутном потоке! И после всего этого он еще остается непремиированным лжецом!

Мы считаем, что допущенная в Берлингтоне вопиющая несправедливость должна быть исправлена и лавры выдающегося лжеца должны украсить низкое чело мистера Джеймса Хэггерти.

С. ГОРСКИЙ

Нейлоновая шубка

НОВЕЛЛА
О КРАСАВИЦЕ ТУНЕЯДКЕ
ИНГЕ ФЕДОРОВНЕ

Продолжение главы четвертой

— Еще одна новость! — говорила Милица Федоровна. — Самородовы стали кинолюбителями. Они купили немецкий узкоплечный аппарат и уже накрутили чудесный фильм из своей личной жизни. Они засняли на пленку свою поездку в Крым и на Кавказ. Они засняли буквально все: и как они садятся в машину, и как Сергей Федорович держит руль, и как они завтракают на автостанции, и как жарят шашлык в ущелье под Гагрой, и как моют в Черном море виноград «изабелла», и как обедают в Ялте, Сухуми и Алуште, и как ужинают на озере Рица... Очень содержательная картина!

— Люди бешутся с жиру, — вздохнула Инга Федоровна. — Нам так не придется... Одни швыряют деньги на ветер, в то время как другим нечего надеть, нечем прикрыть тело...

— Кому это нечем прикрыть тело? — дрожа, словно заведенный мотор, спросил адвокат.

— Тебя это очень интересует?

— Да, очень!

— Не разговаривай с ним, Инга. Он еще нагрубит тебе.

— Нет, я хочу знать: кому нечем прикрыть тело?!

— Как это унизительно! — сказала Инга Федоровна голосом Виолетты, умирающей от чахотки.

— Что унизительно?

— Умоляю тебя, не отвечай. Потерпи! — воскликнула старшая, и по ее морщинистому лицу покатилась слеза, добытая без особого эмоционального труда.

— Ты плачешь? Милая, хорошая моя, — простонала Инга Федоровна и смахнула пальчиком слезу с морщинистой, загрюнтованной кремами щеки старшей сестры.

— Комедиантки! — вскричал адвокат.

В два прыжка он очутился у платяного шкафа.

— Комедиантки! Кто здесь гол, как сокол?! — завопил Сугоняев на всю квартиру.

Справедливости ради следует отметить, что длинный и вместительный, как товарный вагон, шкаф был до отказа набит туалетами Инги Федоровны. Лишь в самом углу висел прижатый к стенке один-единственный парадный костюм Сугоняева.

Сестры даже не взглянули в сторону Василия Петровича. Милица Федоровна взяла из аптечки скляночку с валидолом, капнула на сахар лекарство и подала сестре. Валидол вернул младшую к жизни.

— У меня нет даже зимнего пальто, — чуть слышно сказала она.

— А в чем ты будешь ходить? — участливо спросила старшая.

— Не знаю...

— Возьми мое! — великодушно предложила Милица.

Адвоката затрясло, будто он выпил стопку с возбуждителями малярии.

— А это что? — заголосил он, срывая с вешалки пальто. — Тряпка? Хламиды? Руби-

ще?! Я заплатил за него три тысячи в прошлом году!

Сестры не удостоили адвоката ответом.

— Если бы ты знала, как мне порой бывает здесь душно, — сказала младшая.

— Тошно, — подсказала старшая.

— И тошно, и душно, и совсем нет воздуха... Каждый день втаптывают в грязь твою «я», твой интеллект...

— Ай, ай, держите меня! — сказал адвокат. — «Твой интеллект!» Опомнись! Какой интеллект? Ты же пустая! Внутри у тебя ничего нет! Ты пустая, как брошенная консервная банка!

— И так каждый день, — сказала младшая.

— Каждый час, — добавила старшая.

— Еще немного, и я потеряю здесь свою индивидуальность, свое мировоззрение...

— Мировоззрение! Господи! Да какое у тебя мировоззрение? Шкаф с тряпками — вот твоё мировоззрение. За такой шкаф ты продашь меня, семью, любовь! За два шкафа я куплю у тебя солнечную систему, нашу Галактику, Млечный Путь!.. За три шкафа...

Адвокат не успел закончить тираду. Инга Федоровна величественно поднялась с тахты. Она молча подошла к шкафу и начала раздеваться. Она стащила с себя платье и осталась в одной комбинации. Ее стройная, не по годам сохранившаяся фигурка с отлично сформированной грудью была еще очень хороша.

Невольный вздох вырвался из истерзанной груди адвоката. Инга Федоровна стыдливо прикрыла декольте ладошкой. Правой рукой она сняла чулки и надела туфли на босу ногу.

Сугоняев, недоумевая, ждал дальнейшего развития событий. Скандалы в их доме кончались по-разному. В этом отношении Инга Федоровна проявляла недюжинную изобретательность. Но сегодняшний финал не был похож ни на один из предыдущих.

Между тем Инга Федоровна выбрала в шкафу из четырех летних и демисезонных пальто самое плохонькое и надела его прямо на комбинацию. Она застегнула пуговицы до самого горла и, чуть покачивая бедрами, пошла к выходу.

— Идем! — приказала она старшей сестре, не оборачиваясь.

— Ты спятила! — крикнул адвокат.

— Идем! — повторила Инга Федоровна. — Оставим этому мешанину его шкаф, его тряпки и его попреки!

Сестры вышли.

Василий Петрович помешкал немного. Когда он выбежал на лестничную площадку, сестры были уже на первом этаже. Адвокат перегнулся через перила и крикнул вдогонку:

— Арривидерчи! Счастливого пути!

Глава пятая

Неожиданная свобода. Алло, алло, моя звезда! Проклятое сердце: Снова нейлоновая шубка

Василий Петрович вернулся в свою комнату. «Ушла... Главное, не паниковать, — думал он. — Не подавать виду, держать себя в руках. Не подавать голоса, признаков жизни. Ты умер. Умер для нее и для ее фокусов. Туфли на босу ногу — пошлый трюк. Пальто на комбинацию — дешевка. Цена три копейки в базарный день. Главное — не поддаваться, не сгибаться. Она придет. Как миленькая. Придет, куда не денется!»

Адвокат убрал в шкаф платье и чулки. Он успокоился. Ему захотелось есть. Он запер квартиру и, как в далекие беззаботные времена молодости, пошел в пашльчуную. Он выпил задиристую рюмку водки, съел огнелюбивое харчо и цыпленка «табака». Ему стало весело. От нечего делать он сел в речной трамвай и поехал в Парк культуры и отдыха.

В парке он катался на «чертовом колесе», бил молотом по кувалде, чтобы испытать силу своих рук, и ел вафельные трубочки с заварным кремом.

Он пришел домой поздно вечером. В комнате было тихо. В комнате было необычно уютно. Чувство свободы с новой силой овладело всем его существом. Пренебрегая былыми запретами, он съел кусок жирной ветчины без хлеба и лег в постель, не вымыв ног. Он поставил на полированный финский табурет настольную лампу и начал читать.

Вскоре он заснул, не потушив света. Ему приснился дивный сон. Ему привиделось, будто он уже не адвокат-перегородочник. Он ученый. За работу «Имена-отчества в

Начало см. в №№ 1—3.

эпоху матриархата» ему дали докторскую степень. Он обнаружил, что в те далекие времена наименования давали не по отцу, а по матери. Мужчин тогда величали Степан Марусевич, Иван Катевич, Илья Наташевич. Это открытие принесло адвокату мировую славу. Шестнадцать академий выбрали его своим почетным членом. Английские коллеги вручили ему горностаевую мантию. Ее немедленно отобрала жена, чтобы шить из нее шубку. Но даже это не огорчило Сугоняева. Он улыбался во сне.

Утром он встал свежий, словно младенец, вынутый из купели. Походил в кальсонах по комнате, насвистывая марш из кинофильма «Цирк». «Черт возьми, получается не так уж плохо,— подумал он.— Жить можно!»

Завтракал он в комсомольском кафе. Ему подавала милая официантка, с виду совсем подросток. Она обслуживала его с трогательной заботливостью и отказалась от чаевых. Он опять вспомнил жену. Заспанная и злая, она вставала утром с постели, чтобы в сердцах швырнуть завтрак на стол. Потом валилась на кровать и, когда адвокат уходил на работу, вдогонку ему доносился извостичий храп.

В консультацию Василий Петрович явился раньше обычного. Он дал несколько бесплатных советов и принял любопытное дело о самовольной постройке мезонина.

Обедал адвокат в шашлычной «Эльбрус». На этот раз он съел грандиозный фирменный шашлык и выпил три больших рюмки коньяка. Из «Эльбруса» он, не раздумывая, пошел в кино.

Показывали картину из жизни одного транзитного тенора. Красавец тенор менял костюмы, влюблялся заочно в девушек и временами морально переживал. Все герои, несмотря на разные там неудачи и душевные травмы, безудержно веселились. Они пели и плясали в роскошном особняке, где полы были выложены черно-белыми плитками, такими чистыми и блестящими, что в них можно было смотреться, как в зеркало.

И одеты были герои по самой что ни есть последней моде, и ужинали они при свечах, хотя и была электрическая проводка. И все они были красивые, сытые и вежливые; только один раз некий красавец джентльмен дал красавцу тенору по скуле так, что певец отлетел в другой конец зала. Но тенор тут же поднялся, такой же красивый, как и был: волосы гладко причесаны, галстук на месте и белый платочек в боковом кармане. Он поднялся с пола, подошел к красавцу джентльмену, смахнул мизинцем пушинку с лацкана его пиджака и вдруг дал ему по зубам так, что того перенесло через стол... Нет, что бы там ни говорили, просто замечательная картина, весело смотреть... «Алло, алло, я вас люблю, алло, алло, я вам пою...». И песня замечательная... «Алло, алло, со мной всегда, алло, алло, моя звезда...»

Адвокат прочел слово «конец» и поднялся с места. От музыки и выпитого коньяка его пошатывало.

«Алло, алло, моя звезда...» Он приехал домой на такси и лег на тахту. «Алло, алло, со мной всегда...»

Проснулся Василий Петрович поздно вечером. Коньяк и фирменный шашлык сделали свое черное дело. Страшная изжога раскалила его внутренности. «Не надо было есть чесночного соуса,— сказал он себе. Ты же знаешь, тебе нельзя. И коньяк не надо было пить!— Он начал искать соду.— И шашлыка не надо было жрать, идиот паршивый!»

Соды нигде не было. Он опять лег на тахту. И тут его так схватило, так сжало сердце, что он со всех ног кинулся за валидом.

Он зачихал таблетку под язык, сел на стул и нашел пульс. «С пульсом хреново»,— констатировал адвокат.

В эту ночь Василий Петрович спал плохо. Утром он едва собрал себя по частям. В кафе не пошел. Пожевал сухарик и запил его плохо заваренным чаем.

На работе Сугоняев чувствовал себя вялым и разбитым, словно его измочалил в драке красавец джентльмен.

Вечером ему стало еще хуже. Чья-то безжалостная лапа хватала за сердце. Боль отдавалась под лопаткой. Ныла рука. «Так можно угодить в урну»,— с тоской подумал адвокат. Он вспомнил о жене, заботливой и нежной в дни его болезней.

— Инга! Ингушонок!— прошептал Сугоняев, отвернувшись к стене и заплакал.

В эту ночь адвокат натерпелся страха. Утром из зеркала на него глянуло испуганное лицо. Под глазами висели большие мешки. Старческая тара! Лицо было бело-серое с желтыми разводами у глаз. То были цветя шампиньонов, возвращенных в полумраке подвала. «Нет, с таким рельефом долго не протянешь!»— И он снял трубку.

Василий Петрович позвонил жене. — Инга, Ингушонок!— жалобно позвал он.

Жена не ответила. Она передала трубку Милице.

— Что там еще у вас случилось?— спросила старшая.

— Мне очень худо.

— Ему худо,— передала старшая младшей.— Вам морально нехорошо?— спросила у адвоката Милица.

— И морально и физически.

— Так вам и надо, бабник несчастный!— мстительно сказала старшая.

«Почему бабник?»— подумал Сугоняев, но не стал возражать. Все его существо жаждало покоя.

Инга Федоровна приехала через полчаса. Ни одного слова упрека не слетело с ее подрисованных губ. Она только сказала:

— Видишь, тебе без меня плохо.

— Очень плохо!— согласился адвокат.

— Тебе без меня нельзя!

— Никак нельзя!

— Без меня ты умрешь!

— Обязательно загнусь!

Инга Федоровна проветрила комнату. Она положила на тахту туго накрахмаленную, негнушуюся простыню, заставила Василия Петровича побриться, напоила душистым чаем. Когда он лег, посвежевший, благоухающий шипром, свершилось чудо. Безжалостная лапа убралась восвояси, и сердце забилось ровно и ритмично, словно будильник, не побывавший в ремонте.

— Присядь, крошка,— попросил адвокат.

Инга Федоровна опустила на тахту. Он погладил ей руку.

— Ингушенция, родная моя,— сказал Сугоняев.

— Ты мне никогда не будешь больше хамить?— спросила Инга Федоровна.

Адвокат склонил голову на гордую грудь жены.

Зазвонил телефон. Инга Федоровна сняла трубку. Послышался голос Матильды Федоровны.

Рассказ о нейлоновом диве потряс жену адвоката. Эмоциональная буря, разъярившаяся в ее душе с необычайной силой, отражалась на ее лице. Оно изображало то восхищение, то восторг, то сожаление, то надежду, то скорбь.

— Нет, не могу,— наконец сказала Инга Федоровна.— Безумно хочется, но не могу. Нет денег. Спасибо.

Изнемогая, она повесила трубку.

— С кем это ты?— спросил Василий Петрович.

— Да так, ничего... звонила Матильдочка из комиссионного. Предлагает шубку из нейлона. Редкий случай. Но у нас нет денег.

— Сколько?

— Всего за пять тысяч. Буквально даром...

— А размер твой?

— Мой,— вздохнула Инга Федоровна,— но я не хочу тебя разорять!

— Бери шубку!— сказал разомлевший адвокат.

Инга Федоровна влепила мужу головокружительный кинопоцелуй.

— Нет, не могу,— сказала она.— Надо жить скромно.

— Пес с ними, с деньгами,— сказал адвокат.— В могилу их все равно не утащишь!

Инга Федоровна наградила мужа еще одним затычным поцелуем и отбыла в сберкассу.

(Продолжение следует.)

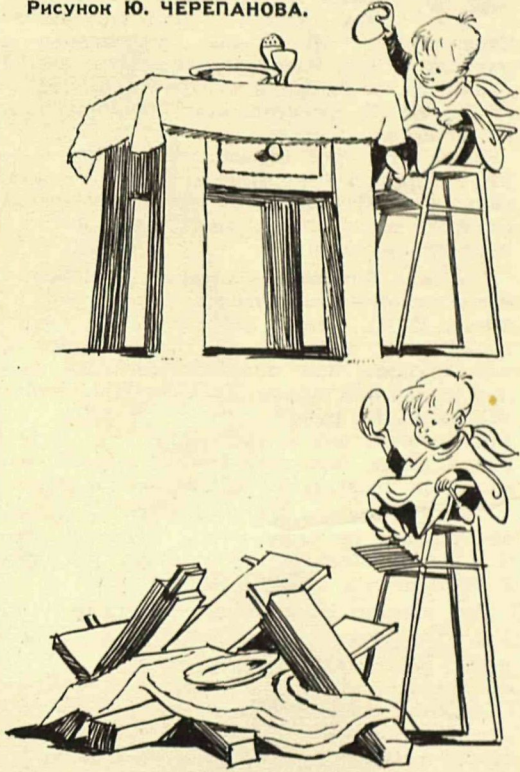
Рисунок

Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— А говорят, что это слабый композитор...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

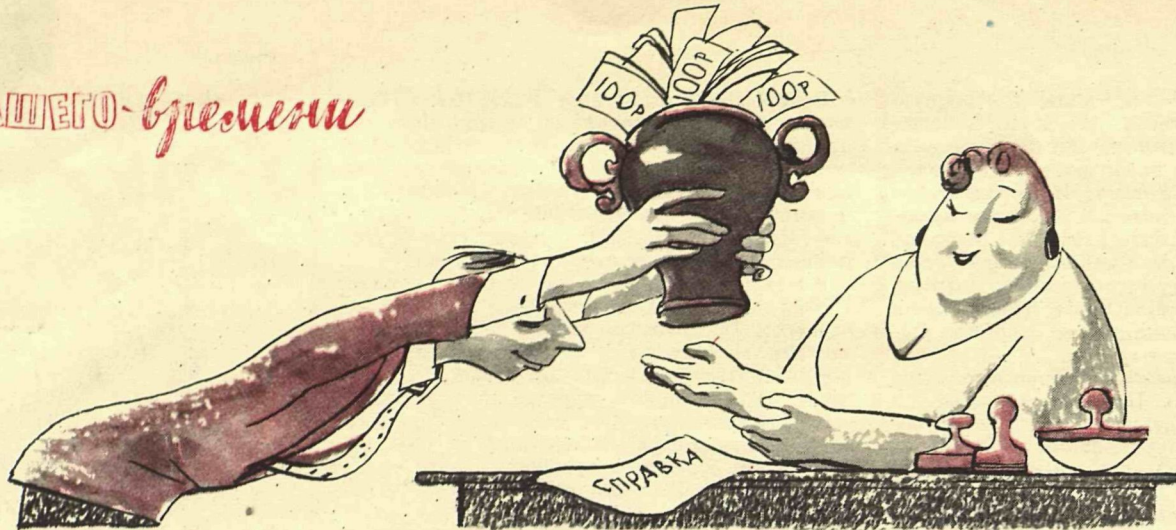

Крепкое яичко.

Рисунок Е. МИГУНОВА.

— Прибыл на каникулы.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ВАЗА АЛЕКСАНДРЫ СЕРГЕЕВНЫ

ПРИ ОПИСИ имущества у бывшей заведующей Перовским бюро технической инвентаризации А. С. Шатохиной было обнаружено восемнадцать цветочных ваз. Ассортимент богатейший! Стекланные и фаянсовые, хрустальные и металлические. Расписанные цветочками и птичками, а также с абстрактными загогулинами. С трогательными надписями и скромно анонимные.

Вазы эти, как впоследствии оказалось, имели прямое отношение к служебной деятельности Шатохиной и далеко не всегда служили тарой для пышных роз и роскошных гладиолусов.

Сначала короткая «справка о справке». Бюро технической инвентаризации (сокращенно БТИ), помимо всего прочего, выдает гражданам справки. Заблагорассудилось вам продать или подарить свой личный дом, сарай или другое строение — вы должны иметь на руках справку от БТИ, что, мол, препятствий к сделке нет, дело законное. И тогда можете дарить, продавать или завещать свою недвижимость кому угодно.

Но в Перове эти документы так, за здорово живешь, не выдавались. А выдавались они, как правило, за соответствующую мзду, в просторечии именуемую взяткой.

Вот пример из недавнего прошлого.

— Построил я на свои сбережения домик, — рассказывает перовский житель А. М. — Но когда дошло до регистрации, Шатохина стала кормить меня «завтраками». Наконец по совету знающих людей я сбегал в магазин, купил простую синюю вазочку, сунул в нее несколько крупных купюр и преподнес Александре Сергеевне с пожеланием долгих лет жизни. Тут дело и сдвинулось с мертвой точки.

Конечно, тащить купюры в вазе, в общем, не обязательно. Шатохина не выгнала бы просителя, принеси он ей деньги даже в дырявой кастрюле. Бывало, что взятки ей клали в ящик стола, совали в карман макинтоша. Словом, незыблемых канонів на сей счет не было. Строгой таксы тоже. В длинном, далеко не полном списке взяткодателей фигурируют разные цифры — от двухсот рублей до пяти тысяч. Из них складывается огромная сумма, целое состояние.

— А стоит ли так пространно говорить о взятчице? — спросите вы. — Под суд ее — вот и вся обедня.

Правильно. Тем более, что Шатохина уже разоблачена и, надо надеяться, получит по заслугам. Но поговорить все же стоит. Только о другом.

Шатохина начала свою карьеру в Перовском БТИ еще в 1938 году. Брат «барашка в бумажке» стала не вчера, а, как говорится, на заре туманной юности, причем совершала свои «операции» на виду всего Перова. Почему же никто об этом не сигнализировал?

— Мы сигнализировали! — хором кричат перовцы и показывают копии многочисленных писем. — Вили во все колокола, да только руки себе отбили, а звону не получилось.

Вернее, не достигал он ушей городского начальства. Уж очень много у Шатохиной заступников.

Действительно, диву даешься, как много нашлось людей, которые ставили своим прямым долгом уберечь Александру Сергеевну от неприятностей, оградить от критики.

...Получив разрешение, инженер Брик совершенно законно выстроил на свои сбережения домик. Однако Шатохина отказалась выдать документ для его регистрации. Более того, по ее настоянию бывший Перовский горисполком вынес мудрое решение: дом Брика снести, как «выстроенный не по плану». Правда, решение это было затем отменено, но крови Брику попортили изрядно. А все потому, что он не торопился «поблагодарить» Шатохину.

Брик написал об этом заведующему областным жилотделом тов. Дмитриеву. Дмитриев передал жалобу начальнику БТИ Московского областного жилищного управления тов. Литвинчеву. Что дальше стало с жалобой, неизвестно.

Дважды Брик обращался в областную прокуратуру. Но заместитель прокурора тов. Бычков оба письма отправил в Перово прокурору Смирнову.

Смирнов тоже занялся рассылкой. Одно письмо он адресовал в горсовет тов. Соколову, рекомендуя ему «дать указание соответствующим организациям тщательно разобраться в обстоятельствах дела и принять решение». Прокурору не пришло в голову, что именно он и должен был «принять решение» и схватить преступницу за руку.

Второе письмо Смирнов отправил заместителю председателя Перовского горисполкома Демьянкову. Сигнал прозвучал и... утас.

Брик не одинок. Как и он, Е. В. Шуринова писала о махинациях, производимых с благословения и при участии Шатохиной. Одно письмо попало к прокурору Смирнову. Он «разобрался» в вопросе и категорически отписал: «Шатохина все делает в соответствии с законом».

Другое письмо попало в горсовет. Секретарь исполкома Шохин ответил: «Факты не подтвердились». Почему же они не подтвердились? А очень просто. Шатохина — свой человек. Что она ни делает — все хорошо.

Не поднялась рука на Шатохину и у руководителей перовского горкомхоза Бородулина, Мищенкова и прочих. Защитников и укрывателей у вымогательницы было больше чем достаточно. Особенно рьяно стоял на страже ее интересов уже известный нам заместитель председателя горисполкома Антон Федотович Демьянков. Когда к нему с жалобой пришел инженер Малкис, Демьянков глубокомысленно заявил:

— Слышать-то мы об этом слышали, но поймать никак не можем. Хоть и стараемся изо всех сил. Знаете, не пойман — не вор.

А вот ежели бы оба — и дающий взятку и берущий ее, — объясвшись, вышли на городскую площадь и публично покаяться в своем грехе? Тогда Антон Федотович поверил бы или тоже усомнился?

Пользуясь ротозейством и слепотой своих покровителей, Шатохина окончательно распоясалась. Однажды перовское жилуправление, спутав свои дома, сданные в аренду, и частные домовладения, предложило работнику хлебозавода Ермакову купить... его же собственный, ермаковский дом.

Ермаков опешил. Онемел от изумления.

А когда обрел дар речи, то возопил:

— Братцы, да вы шутите! С какой это радости я стану покупать дом у самого себя?

— А очень просто, — ответили ему. — Платите полную стоимость, вот и все шутки. А то выслем.

Перепуганный Ермаков побежал к Шатохиной со слезной просьбой: подтвердить, что дом действительно принадлежит ему.

— Ладно. Выручу, — отозвалась эта добрая душа. — Вы тем чиновникам деньги не давайте. А дайте их лучше... мне. И ручаюсь, что вас оставят в покое.

Вот тут бы Ермакову приобрести вазочку, сунуть в нее несколько крупных купюр, и... Но строптивый клиент пошел жаловаться в исполком, к Демьянкову. А тот направил его к... Шатохиной!

Между прочим, о Демьянкове. Жаль беднягу. После того, как взятчицу привлекли к ответу, его постиг тяжкий недуг — полная потеря памяти.

— Что? Я знал, что Шатохина берет взятки? Придумают же люди! — удивляется он. — Какой Малкис? И Малкиса в глаза не видал и Ермакова. Арест Шатохиной был для меня громом среди ясного неба. Какой кошмар! Старый, опытный работник — понятно, что ей доверяли. Но действия бюро контролировала специальная комиссия. Куда они там смотрели?

Верно. Такая комиссия при Перовском горисполкоме существовала. Но комиссия эта в основном занималась тем, что внимательно смотрела в рот Шатохиной. Вот и ответ на вопрос Демьянкова, «куда они смотрели».

— Как она скажет, так тому и быть, — стыдливо признаются теперь члены комиссии. — Она специалист, ей и взят... тьфу, карты в руки.

Да. Перовские руководители доверяли Шатохиной. Ценили. Ее фотография красовалась на доске почета в исполкоме. Ее не хотели травмировать нетактичными вопросами: откуда при зарплате в 600 рублей она берет деньги на шикарные манто, на всякие ценные вещи, на покупку дома, наконец?

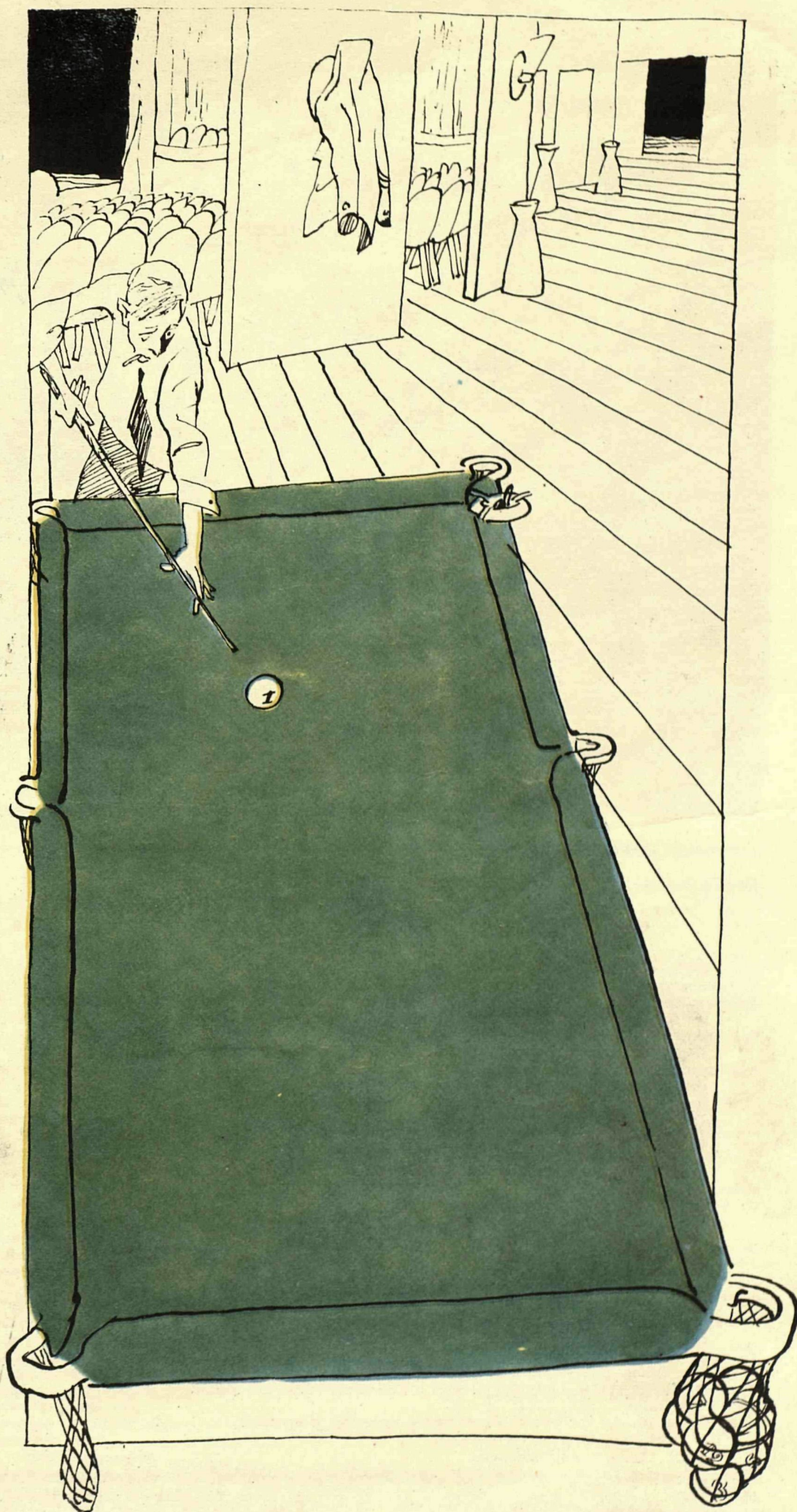
И если бы шило не вылезло из мешка, коллекция ваз пополнилась бы многими другими посудинами, а кубышка Шатохиной — плотными пачками купюр. И до сих пор матерая вымогательница окопачивала и обирала бы людей.

Шатохина, повторяем, свое получит. Ее фотография снята с доски почета. А вот как быть с ротозеями и шляпами, которые просмотрели преступницу, орудовавшую у них под носом много лет? Какой монумент и с какой надписью приличествует им воздвигнуть?

Е. ЦУГУЛИЕВА

В стороне от дороги

Как говорится, в ногу с веком
 Всегда шагал Иван Кузьмич.
 Он слыл растущим человеком,
 Умевшим многое постичь,
 Трудлюбивый по натуре,
 Предельно занят был он, но,
 Не забывая о культуре,
 Питал любовь к литературе,
 Ходил в театры и в кино.
 Для многих был он чутким другом,
 Ценить семью и дом умел,
 Однако жизнь домашним кругом
 Он ограничить не хотел.
 Считал, что круг домашний узок,
 Хоть им и должно дорожить,
 И без общественных нагрузок
 Не мыслил даже дня прожить.
 ...А время календарь листало,
 В итоге долгого пути
 Герою нашему настала
 Пора на пенсию уйти.
 Читатель, эти строчки пусть
 На вас не навевают грусть.
 Вы не тревожьтесь о герое:
 По заключению докторов
 В порядке у героя «роэ»,
 Иван Кузьмич вполне здоров.
 Ему отчасти неприятен
 И непривычен был покой —
 Такой нюанс вполне понятен...
 И вот решил себя занять он
 Постройкой дачи под Москвой.
 При этом было очень ценным,
 Что раздобыл Иван Кузьмич
 По невысоким, льготным ценам
 Железо, тес, цемент, кирпич.
 Отныне новою задачей
 Иван Кузьмич был поглощен:
 Он засыпал с мечтой о даче.
 И просыпался с нею он.
 Еще не крыли дачу крышей,
 А он уж саженцы привез,
 Уже для яблонь, груш и вишен
 Возил он тачкою навоз.
 Трудились плотники с задором,
 Не покладая топоров.
 И огороженный забором
 У речки за сосновым бором
 Был вскоре дом совсем готов.
 Он утопал в листве зеленой,
 Сад подрастал при доме том,
 И днем и ночью пес ученый
 Там на цепи ходил кругом.
 Там заряжал хозяин часто
 Столовой солью ружьецо —
 Стерег, как цербер, свой участок
 От малолетних сорванцов.
 На даче было дел немало,
 Он тут дневал и ночевал.
 В Москве квартира пустовала,
 И он теперь ее сдавал.
 Живя на бойком дачном месте,
 Не устоял в конце концов
 Он пред соблазном часть поместья
 В аренду сдать, впустив жильцов.
 И, изменив своей натуре,
 Он позабыл давным-давно
 Стремленье прошлое к культуре,
 Былую страсть к литературе,
 Любовь к театру и кино.
 А время календарь листало,
 Тянулось за числом число...
 Настолько зелень гуще стала,
 Что горизонт весь закрывала —
 Так все на даче заросло.
 Финал, увы, довольно мрачный,
 Нам нелегко его постичь:
 Клубничкой на платформе дачной
 Стал торговать Иван Кузьмич.

— Ничего в клубе нет, хоть шаром покати!

— Мама, хочу почитать сказку!
— Возьми папины сводки о выполнении плана.

РОЛЬФ ВИНЕР

ПОРЯДОК ПРЕЖДЕ ВСЕГО

— Жаль,— сказал мне учтиво парикмахер в призывальной парикмахерской,— но у нас есть постановление, по которому я обязан брить только лиц, имеющих при себе проездной билет.

— Но ведь у вас пусто,— отвечал я так же вежливо,— вы могли бы сделать исключение.

— После полуночи, гражданин. Мы руководствуемся постановлениями. До полуночи бреются только пассажиры.

Я отправился в кассу.

— Дайте, пожалуйста, билет.

— Пожалуйста, куда?

— Все равно.

— Бросьте свои шуточки! — сказала молоденькая кассирша.

— Я вовсе не хочу шутить. Дайте билет хотя бы до следующей станции.

— Какую станцию вы имеете в виду?

— Милая барышня, я уже сказал, что это безразлично!

Барышня занервничала.

— Вы должны знать, куда едете!

— А я вообще никуда не хочу ехать!

— Если вы не хотите уезжать, тогда зачем вам нужен билет?

— Я хочу побриться.

Раздался стук. Окошечко кассы захлопнулось.

— Барышня,— сказал я и постучал в окошечко,— все-таки дайте мне, пожалуйста, билет.

Она подняла фанерную заслонку и взглянула на меня, как на сумасшедшего или мошенника. Потом стала перелистывать какой-то справочник.

— Парикмахер требует, понимаете? — крикнул я громко.

Она приблизила лицо к окошку.

— Чего требует парикмахер?

— Он бреет только пассажиров с проездными билетами! — закричал я.

Теперь, кажется, она все поняла. Она вручила мне билет и сказала:

— Вот вам билет до Ребниц. С вас шестьдесят пфеннигов. Я взял билет и пошел в парикмахерскую.

— Можете удостовериться! — торжествующе заявил я, показывая билет. — Теперь-то я могу побриться?

Парикмахер подумал и сказал:

— Но ведь вы все-таки не уезжаете.

— Да, но у меня есть билет до Ребниц,— ответил я. — И этого, я думаю, вполне достаточно.

— Если вы купили билет лишь с целью побриться,— отчеканил парикмахер,— то это для меня не имеет никакого значения. Я брею только настоящих пассажиров.

У меня остановилось дыхание.

— Но позвольте,— выдохнул я,— поеду я в Ребниц или не поеду — это мое личное дело! В данный момент я пассажир!

— Раз вы не собираетесь уезжать,— сказал парикмахер,— значит, для меня вы не пассажир, хотя у вас и есть билет! Освободите, пожалуйста, салон!

Я поплелся к кассе.

— Дорогая барышня,— сказал я кассирше,— ничего не вышло, билет не понадобился. Возьмите, пожалуйста, его обратно.

— К сожалению, это невозможно,— ответила девушка, пожалав плечами.

— Но почему?! — крикнул я.

— Если бы вы купили билет с целью поехать куда-либо,— пояснила кассирша,— я бы возвратила вам деньги за билет. Но вы сами ясно сказали, что никуда ехать не собираетесь. Поэтому все претензии отпадают. Вы должны пойти к парикмахеру и поговорить с ним. Из-за него вы купили билет, не так ли?

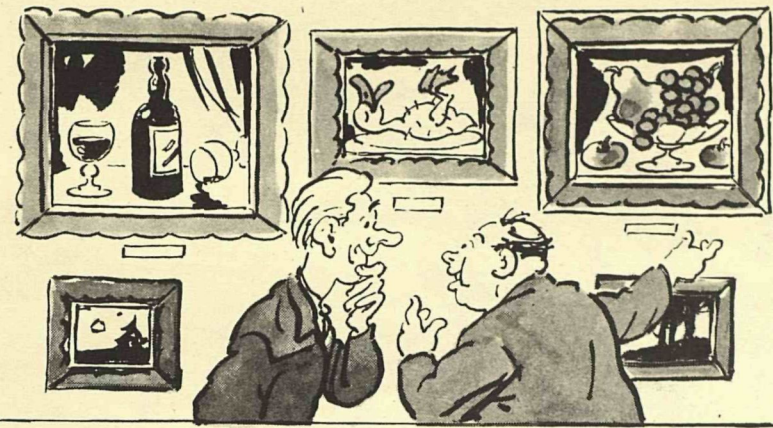
— Вы оплатите мне стоимость билета или нет? — спросил я у вежливого парикмахера.

— Один момент,— сказал парикмахер и пошел на перрон к телефону-автомату. Скоро он возвратился. — Ну, порядок,— сказал он,— можете бриться!..

— Наконец-то! — вздохнул я облегченно и сел в кресло.

— Но... только не у меня,— сказал парикмахер, вежливо улыбаясь. — А там, в Ребнице!

Перевод с немецкого
П. БЕЛЕНЬКОГО.

— Бутылочку красного, уточку и фрукты...

Юрий БЛАГОВ

Чужая жена

Однажды в ресторане я
Сидел с чужой женой.
[Бывать в подобном здании
Неловко ей одной.]
Мы выпили шампанское,
Симпатий не тая,
Былые однокашники,
Далеких лет друзья.

Друг друга мы не встретили
В дальнейшем... но сейчас
«Гуляли» тут свидетели,
Заметившие нас.
И выплыл на собрании
Вопрос очередной
О том, что в ресторане я
Сидел с чужой женой.

Мудрец демагогический
Копить на этом стал
Морально-эстетический
И прочий капитал.

Любые начинания
Заканчивались мной:
О том, что в ресторане я
Сидел с чужой женой.

И я за прегрешения
Досрочно постарел,
Ведь в качестве мишени я
Служу для всяких стрел.
Не выдохлись старания
Долбить любой ценой
О том, что в ресторане я
Сидел с чужой женой.

Испортив биографию,
Нередко я во сне
Читаю эпитафию,
Написанную мне.
Помимо лет и звания,
В ней есть вопрос больной
О том, что в ресторане я
Сидел с чужой женой.

Что нового в сатирическом цехе

«УЛЫБКА НЕМЕЗИДЫ» очень огорчила бывшего заведующего райсобесом — героя одноименного рассказа Б. Протопопова. А рассказ этот дал имя сатирическому сборнику, которым открывается в 1961 году Библиотека Крокодила.

«ВЕСЕЛАЯ АЗБУКА» ленинградца Б. Кежуна предназначена для вполне грамотных, вступивших уже в зрелую пору писателей и читателей. Этот сборник литературных пародий издан «Молодой гвардией».

«СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА» изложена в стихах С. Михалковым. Издана в Ленинграде «Художником РСФСР». По внешности — книжка для малых ребят, а на самом деле... Прочтете — узнаете.

«БЕЛЫЕ ВОРОНЫ» киевского поэта И. Золотаревского выпущены на волю «Советским писателем». На угодах этого же издательства вырели в сборнике «Вокруг капусты» юмористические стихи, эпиграммы и басни ужгородца Ф. Кривина.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Посетители, приобретайте билеты на простыни, полотенца и модали в кассе».

(Объявление в бане.)

Списал Н. СЕМЕНКЕВИЧ.

«Заявление

В виду того, что жизнь доказывает невозможность моей работы за чертежной доской, т. к. ни навыка, ни знаний, ни усидчивости у меня на это дело нет, прошу Вас перевести меня на другую работу, при этом прошу учесть, что я могу 7 часов (конечно с перерывами) писать, говорить или ходить по помещениям.

Конструктор ОГК (следует подписать).

Копию снял И. КРАЙТОР.

г. Ярославль.

«Употребляя неприличные выражения, я не желал оскорбить ее. Во мне говорило природное чувство юмора».

(Из объяснения в милиции.)

«Я помогал им устраивать семейные сцены...».

(Из показания свидетеля.)

«Сначала он становился в позы, подражая различным одетым скульптурам, а потом он раздевался до трусов включительно и стал подражать обнаженным скульптурам и даже целым скульптурным группам».

(Из заявления.)

Записал А. ПЕЧЕНКИН.

ИЗ ПИСЕМ В КИНОСТУДИЮ

«Сообщите, не нужны ли вам люди с детским плачем и детским криком».

«С ранних лет мечтаю быть киноартисткой. Могу разыграть кого угодно и даже мужчину».

«Прошу принять меня на работу режиссером, ассистентом или в крайнем случае рабочим студии».

Собрал Б. ЗЕЛИЧЕНКО.

г. Свердловск.

ПОЗАИМСТВОВАЛИ...

Увидев обложку книги «Эстафета коммунизма» по соседству с этикеткой кофе «Дружба», читатель невольно вздрогнет: что это, мол, такое? Изофокус?

Нечто вроде того.

В 1959 году издательство «Молодая гвардия» выпустило брошюру «Эстафета коммунизма. Заметки о первых коллективах коммунистического труда». Обложку к ней делал художник В. Старис.

А на днях художник купил в магазине пачку кофе «Дружба» и... чуть не упал в обморок: на коробке была воспроизведена его книжная обложка.

Оправившись от удара, художник повертел в руках коробку и прочитал:

«Ярославский совнархоз. Управление мясной и молочной промышленности. Ростовский пищевой комбинат.

Рецептура: цикорий 30%, кофе натуральный 20%...» и т. д.

— Как так могло случиться? — спросил В. Старис в Крокодиле.

И мы ему ответили:

— Очень просто. Художники из Ярославского совнархоза — народ изобретательный. Увидели они вашу обложку, добавили к ней 30% цикория, написали другой, более подходящий, с их точки зрения, заголовок — и получилась оригинальная кофейная этикетка.

По непроверенным данным, сейчас в Ярославском совнархозе дедатируется вопрос: как перенести обложку справочника туриста на упаковку для макарон? И можно ли использовать телефонную книгу для этикетки на поваренную соль?

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 01222. Изд. № 16.

Подписано к печати 30/1 1961 г.

Формат бум. 70x108/16. Тираж 1 500 000 экз.

Заказ № 244.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

12

10 фев 1961

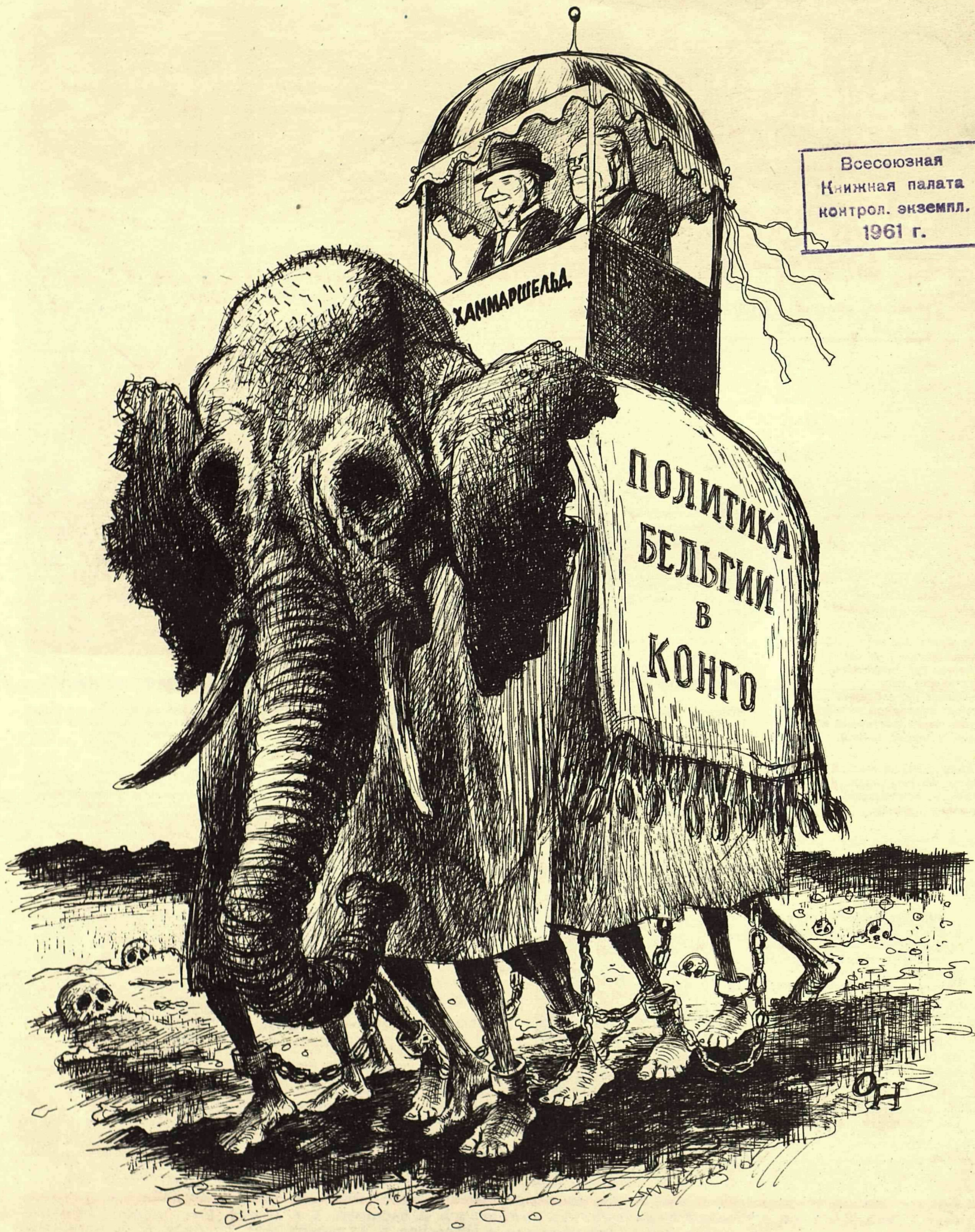
-5213 м

Рисунок для Кронодила художника О. ХАРРИНГТОНА (США).

Позиция Хаммаршельда фактически способствует восстановлению бельгийского колониального господства в Конго.

(Из газет.)

Всесоюзная
Книжная палата
контрол. экзempl.
1961 г.

ХАММАРШЕЛЬД: Клянусь всевышним, не вижу никаких следов бельгийского колониализма!..